

Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко
Меры цивилизованности

Fyodor N. Blyukher, Sergey L. Gurko
Measures of civilisation

В статье предпринимается попытка разностороннего рассмотрения понятия «цивилизация» и сопряженного с ним понятия «варварство». Показано, как термин «цивилизация» последовательно приобретает идеологическое, научное и философское измерение. Возникновение в ходе истории таких социальных институтов, как религия, торговля, политика, право, наконец, централизованная военная промышленность и развитая экономика, знаменует этапы постепенного наполнения понятия цивилизованности тем содержанием, которое мы обнаруживаем в нем сегодня. Варварство из антропологическо-географической характеристики превращается в обозначение функциональных особенностей социальных процессов – меры их отклонения от «цивилизированного» образа действий. Авторы склонны полагать, что при значительном историческом разнообразии цивилизационных стратегий цивилизационное движение является все же скорее универсальным средством поиска сбалансированного подхода к использованию ресурсов как отдельными человеческими сообществами, так и человечеством в целом. Приблизительной же мерой успешности цивилизационных процессов может служить обобщенное представление об энергетической эффективности.

Ключевые слова: цивилизация, варварство, идеология, наука, философия, цивилизованная религия, энергия, эффективность.

The article makes an attempt to consider the concept of “civilization” and its corollary concept of “barbarism” from different perspectives. It shows how the term “civilization” successively acquires ideological, scientific and philosophical dimensions. The emergence in the course of history of such social institutions as religion, trade, politics, law, and, finally, centralized military industry and a developed economy mark the stages of the gradual filling of the concept of civility with the content that we find in it today. Barbarism from an anthropological-geographical characteristic turns into a designation of functional features of social processes – a measure of their deviation from a “civilized” mode of action. The authors are inclined to believe that, despite the historical diversity of civilization strategies, the civilization movement is rather a universal means of search-

ing for a balanced approach to the use of resources both by individual human communities and humankind as a whole. A generalized idea of energy efficiency can serve as a rough measure of the success of civilizational processes.

Keywords: civilization, barbarism, ideology, science, philosophy, civilized religion, energy, efficiency.

Как показывают исследования Н. Элиаса, первоначально слово “civilisation” возникает во французском политическом словаре в конце XVIII в. для обозначения курса реформ, «которые позволят обществу развиваться по средней линии, балансируя между варварством и декадансом» [12, с. 102]. У просвещенных сторонников реформ возникает идея, как из «наличного общества сделать общество цивилизованное, т.е. цивилизовать государство, конституцию, воспитание, а тем самым и широкие слои народа; освободиться от всего варварского и противного разуму» [12, с. 104]. Интересно, что во время Французской революции употребление слова практически сходит на нет, чтобы опять возникнуть в эпоху Наполеона, но с несколько другим содержанием. «Сознание собственного превосходства, собственной “цивилизованности” служит нациям, приступившим к колониальным захватам, а тем самым ставшим властителями континентов за пределами Европы <...> для легитимации господства» [12, с. 106–107].

Но и в пределах Европы все оказывается неоднозначно. Так, Россия, которая, по словам Бонапарта, «в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы» губительное влияние [13, с. 14], – государство цивилизованное. По крайней мере, с ней можно и нужно заключить «хороший мир», чего, однако, нельзя сказать о русском народе. Маршал Л.Г. Сен-Сир, рассуждая о причинах отказа Наполеона от планов отмены в России крепостного права, пишет: «Впрочем, и в интересах гуманности, хорошо или плохо поступил Наполеон, что не поддержал это восстание? Вопрос этот слишком серьезен <...> ибо речь идет о народе, лишенном цивилизации, в течение веков находившемся в тяжелой зависимости и в полнейшем невежестве» [14]. Впрочем, русские не остаются в долгу. Просвещенному разуму французов противопоставляется христианское милосердие и духовное единство русского народа. «Истребление всех вас с лица земли не удовлетворяет достаточно правосудию. Тщетно во всех сих лютостях станете вы обвинять одного Наполеона. Нет! Вы прежде его показали до какой степени разврата и свирепости безверие довело нравы ваши; оно издавна между вами посеянное росло, распространялось и созревало; оно одержав над вами силу, из глубины ада изрыгло к вам воспитанников и любимцев своих Маратов и Робеспьеров и наконец послало Наполеона. Вы для того и избрали их владыками над собой, что видели в них ум самый зловерный, сердце самое жестокое» [3, с. 271]. Здесь – корень всех будущих противоречий XIX в. На каких основаниях устраивать взаимодействие между государствами

и народами? На основаниях разума, открытого наукой и зафиксированного в праве, – утверждают западники. На основании христианства, которое уже вводит нас в европейскую семью народов, – уверены славянофилы. Неслучайно именно «православие» является первым словом в уваровской триаде. Соответственно решается и проблема обоснования «присоединения» отсталых народов, т.е. создания колоний. Для европейцев колониализм – несение света разума дикарям и «отсталым» Индии и Китаю. Для русских колониализм – избавление от «страданий» христиан из-за работорговли, приобщение диких народов к более высокой, гуманной (христианской) культуре. Пытаясь обосновать различие западного прогресса и застоя древневосточных цивилизаций с точки зрения натуралиста-эмпирика XIX в., Н.Я. Данилевский пишет: «Результаты, достигнутые последовательными трудами этих пяти или шести цивилизаций [египетской, ассирийско-вавилонско-финикийской, греческой, римской, еврейской, германо-романской], своевременно сменявших одна другую и получивших к тому же **сверхъестественный дар христианства** (разметка наша), должны были далеко превзойти совершенно уединенные цивилизации, каковы китайская и индийская» [2, с. 208].

Так, идеологический концепт, придуманный для решения узких политических и пропагандистских задач с целью отделить «образованных и сильных» европейцев от «темных и диких» неевропейцев, становится предметом исследования ученого.

Второе «пришествие» термина случилось во время Первой мировой войны. После обстрела Реймса германскими войсками пропагандисты Антанты обвинили немцев в отсутствии цивилизованности. Двадцатью годами раньше, описывая резню, которую японские войска учинили во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг., «Нью-Йорк таймс» сообщал: «Безудержная вакханалия убийств длилась три дня. Это первое пятно на репутации японской цивилизации, впавшей в данном случае в варварство» [5]. В обоих случаях речь шла о нарушении «законов войны», но впервые – не о европейской или китайской цивилизации, а, по существу, о нациях. В этом плане «Закат Европы» Шпенглера – философско-публицистическое произведение, описывающее всемирную историю как процесс рождения и умирания многообразия культур, которые со временем становятся рациональными, материалистическими, урбанистическими цивилизациями. Это скорее «немецкий» ответ «Европе», резкое противопоставление «фаустовской культуры» англо-французскому материализму и предвестник завершения единой европейской цивилизации [11]. И только с появлением работ историка А. Тойнби в середине XX в. «цивилизация» становится понятием, к которому применимы стандартные требования научной методологии, правда, с уточнением того, что это методология гуманитарной науки [9].

Слово «цивилизация» может быть использовано в разных контекстах, в зависимости от которых оно и обретает свой смысл. В идеологии оно используется как концепт (*das Konzept*) для выражения качественных различий между объектами наблюдений. Причем в двух смыслах: в первом – чтобы обозначить другого как «варвара», во втором – чтобы предложить цивилизованное решение проблемы. В исторической науке и антропологии – как понятие (*der Begriff*) для уточнения определенного этапа в развитии человечества. На примере научного подхода рассмотрим появление различных идеологических смыслов понятия «цивилизация».

Два больших поселения керамического неолита – Асикли-Хююк и Чатал-Хююк, несмотря на свои размеры (около 2000 строений), не характеризуются учеными как цивилизации. Однако понятно, что если общество людей смогло дорасти до 10 000 особей, живущих в одном месте и имеющих общий культ, то при удачном стечении обстоятельств оно может и дальше численно увеличиваться. Увеличение многообразия и количества предметов и их хозяйственное освоение рождает новые профессии, и если среда обитания позволяет интенсивно увеличивать численность населения, то вполне возможно появление объединений, которые впоследствии могут стать протогосударствами, в которых могут возникнуть устойчивые обряды и даже наблюдение над отдельными элементами природы, как бы протокультура и протонаука. Собственно говоря, именно такие образования мы и называем цивилизациями древности, те, о которых мы можем судить исключительно на основании археологических данных: Хараппская, Убейд, Элам и другие. Здесь интересно, что социальное образование в долине Инда называют цивилизацией, видимо, из-за наличия нескольких городских поселений. Элам – протогосударством, а Убейд в Месопотамии – периодом или археологической фазой, чем-то большим, чем культура, но меньшим, чем цивилизация. Скорее всего, они погибают, столкнувшись с кризисом перенаселения в рамках границ интенсивной эксплуатации среды обитания, к которым также относится и эпидемиологический риск. Именно к таким социальным образованиям мы с полным основанием можем отнести характеристику цивилизации как «большого социума» с городом, прежде всего потому, что никаких других характеристик у них нет. Но так как у истории нет предопределенности, у этих социумов может быть разная судьба. Цивилизация реки Инд исчезает с горизонтов истории. На место Убейдского образования приходят шумеры с изобретенным гончарным кругом, и возникают цивилизации Междуречья. Элам свыше 2500 лет воевал с цивилизациями Междуречья, пока не был окончательно покорен ассирийцами и из цивилизации не превратился в региональную культуру, завоеванную в конечном счете уже персами.

У этих первичных «цивилизаций» есть своя логика развития, которая возникает на основании двух областей организации социальной жизни: власти и религии. Их взаимодействие может порождать следующий уровень социального развития – большие империи с развитым законодательством, грандиозным для того уровня жизни строительством, созданием профессиональных армий, возникновением прообраза бюрократии и даже организацией изучения природных закономерностей, имеющих «прикладной» характер. В истории они получают название «цивилизации дворцово-храмового комплекса». Это цивилизации Междуречья, Хеттская и Египетская. В некоторых случаях мы хорошо знаем историю этих цивилизаций и у нас могут быть их архивы. В соответствии с этим мы можем судить, что прикладные знания, добытые часто в религиозной или ремесленной форме, помогали им справиться с пределами интенсивного роста и создать устойчивые формы ирригации, прообраз санитарии, внешнюю торговлю и другие формы, которых мы не находим у более ранних больших социальных образований. Поэтому ученые с полным основанием применяют к ним понятие «цивилизация». Но в текстах, которые оставили нам шумеры, хетты и египтяне, мы не находим не только понятие «цивилизация», но и понятие «варвар». Египтяне, идя на хеттов, покоряют конкретные племена или в крайнем случае кочевников. Гиксосы (древнеегипет. «вожди или властители чужих стран») названы по их социальному статусу. Окружающий мир вполне укладывается в конкретную картину, для которой хватает имен собственных или связанных с образом действия. Эти цивилизации возникли вокруг персонифицируемой власти. Собственно говоря, иногда наши знания о них строятся на основании периодичности этой персонификации. «Мы почти ничего не знаем о прочих событиях этого царствования» [4, с. 367].

У этих цивилизаций мы также можем найти несколько признаков, важных для нашей темы: продолжительность существования и наличие открытий, повлиявших на нашу современную цивилизацию (таких, как создание архива, шестидесятиричная вавилонская система счета или египетский календарь).

Однако нельзя думать, что все цивилизации развиваются по одному сценарию. Некоторые города древности образуют государства, которые могут не становиться цивилизациями: например, Библ (до захвата амореями), Эбла, финикийцы. Общее между ними – роль международной торговли в возникновении устойчивой городской среды. Но если два первых остались локальными историческими образованиями, то финикийцам и вошедшему в их систему Библу была уготована более длинная историческая судьба. Парадоксально, что никто из изучающих цивилизации ученых XIX–XX вв. не выделяет финикийцев в отдельную цивилизацию. Видимо, из-за того, что это – не обширные земельные империи, а талассократическая конфедерация городов. Природные условия, в которых живут люди, могут быть таковы, что возникает не одна

большая империя, а много небольших поселений, у которых хватает ресурсов для существования и защиты, но не хватает сил для внешней военной экспансии. Здесь намечается следующая развилка истории.

Можно построить корабли и впервые в истории организовать глобальную торговлю от Инда до Балтики. Можно покорить соседние племена, создать военизированную племенную организацию и заставить илотов кормить спартиатов. Первый путь приносит богатство, способствует развитию культуры и привлекает очередных имперских завоевателей. Второй – более традиционный, но требует нетрадиционных методов социальной мобилизации: отказа от власти и богатства. Однако существует и третий путь развития внутриплеменной и локально-племенной торговли. Такие племена-городки могут враждовать, совершать друг на друга набеги, но общая скудость их жизни делает риск гибели во время войны за ту добычу, которую они могут получить, чрезмерным. Внутри- и межплеменная торговля приносит больше. По всей видимости, именно интенсификация товарного обмена и создает этот тип государственности. Греческие колонии – торгово-производственные фактории, созданные для расширенного производства товара, в котором нуждается метрополия, материнский полис. Подобный тип государственности также создает законодательство, строительство, военную и гражданскую службу, искусство и науку, но несколько в другой форме. «Большинство известных нам народов, запрещая месть и самоуправство, создают постепенно особые судебные органы, которые и решают споры от имени государства, выводя свою компетентность и силу не из какого-либо соглашения сторон, а из понятия государства и власти» [8]. Древнегреческое право регулирует отношения между гражданами, в том числе в сфере экономики (долг, залоги, собственность, выкуп, состояние рабства). Если древневосточные чудеса света имеют четко выраженный сакрально-властный характер, то первоначальные святилища греков скромны и посвящены решению задач повседневной жизни (предсказание ближайшего будущего, война, плодородие). Но все бы это могло остаться на уровне обычного племенного города типа небольших городов-государств Ионийского побережья, если бы не одно новшество, позволившее грекам создать совершенно особый тип цивилизации. Они изобрели такой социальный институт, как публичная политика. Дело даже не в демократии и разделении властей, дело в самой возможности выбора режима управления обществом и обсуждении этого выбора.

Эти два социальных института – торговля и политика – создают новый тип социальных отношений, например союзы свободных полисов, имеющих общую казну, и в конечном счете нового человека, который, даже будучи свободным, имеет цену и «знает себе цену». Нигде в древневосточных цивилизациях мы не находим явления свободного наемничества, описанного

в «Анабасисе». Конечно, локальное наемничество было и в древних цивилизациях, воины из племен могли наниматься в качестве воинов в города-государства. Но никогда речь не шла о собранной одиннадцатитысячной армии греков из различных полисов в составе отрядов, подчиненных своим командирам, которые отправляются воевать за персидского царевича Кира в Персию. При этом целью похода для воинов является не власть, не захват земель, а «только бизнес» (так, в результате «забастовки» наемники поднимают свое жалование с одного до полутора дариков в месяц). Когда часть из них, дойдя до Финикии, признает затею излишне рискованной и отплывает на кораблях домой в Грецию, оставшимися участниками данный довод признается вполне достаточным основанием. И именно здесь мы впервые встречаемся с «варварами». Войско Кира состоит из варваров и греков, причем в варварском войске есть базар, где греки покупают еду. Сами же греки, в соответствии с условиями договора найма, придерживаются строгой дисциплины и не разоряют земли, через которые следуют. Впоследствии добыча делится поровну, но при этом периодически проходят собрания воинов, чтобы решить вопросы не только стратегии, но и выбора военачальников. Воины принадлежат к разным полисам и даже разным племенам (дорийцы, ахейцы, ионийцы), когда они наконец достигают Трапезунда, то это не греческая цивилизация, а синопская колония. Более того, выбор дальнейшего движения воинов в Элладу совсем не облегчается. Наоборот. В начале похода при возникших противоречиях спартанец Клеарх, руководитель наемного войска, говорит, что все воины являются для него «и отечеством, и друзьями, и соратниками» [6, I, III, 6]. Чем ближе греки подходят к Элладе, тем сильнее обостряются противоречия внутри этого воинского микрокосмоса. В конце концов войско вынуждено разделиться по полисному принципу, а политические разногласия в условиях спартанского господства над Элладой ставят эту некогда единую группу на грань уничтожения. Греки не мыслят себя как единую цивилизацию, но мыслят негреков как варваров, особенно если эти негреки – подданные персидского царя. Варвары – негреки, потерявшие свое племенное (халибы, пафлагонцы, колхи) или государственное (килликийцы, египтяне, армяне) имя. По существу, это безымянные подданные Персидской империи, а если говорить в терминах этой статьи – другой цивилизации.

Здесь очень важно зафиксировать само столкновение этих разных цивилизационных принципов, одного – унаследованного от древневосточных цивилизаций Междуречья и другого – характерного для аттического периода греческой цивилизации. Но о «цивилизации» как понятии мы еще не можем ничего сказать, потому что пока мы фиксируем только то, что отдельный народ называет другой народ варварами. И мы можем лишь присмотреться к грекам, чтобы понять, что им дает такое основание. Именно в «Анабасисе» мы

видим те принципы, которыми руководствуются греки, когда принимают согласованные решения. Понятно, что после гибели Кира прагматический момент выживания выходит на первое место. Они вполне готовы продать свое воинское ремесло Артаксерксу, но им нужны гарантии. Рациональные поиски нового союза наталкиваются на коварство персов, из-за которого гибнет военное руководство армии. Оставшееся без руководства войско должно принять решение сдаться на милость «клятвопреступникам» или продолжать бороться. Все последующие дискуссии ведутся по правилам рациональной аргументации. Вывод однозначен: «мы должны сделать все, чтобы не подпасть под власть варваров, но, наоборот, подчинить их себе» [6, III, I, 35].

Безусловно, текст «Анабасиса» – литература, хотя и за авторством одного из очевидцев описанных событий. Но ведь ничего похожего мы не находим у противоположной стороны. При том что у текста Ксенофонта есть предшественники – Геродот, Фукидид и вся классическая греческая драматургия. Греки создают новые направления в искусстве, драма обращается к индивиду. Мифы и истории от Гесиода и Гомера описывают «мир как он есть» и «историю как она была». Этот тип литературы существует и на Востоке. Авторская драма позволяет перенести интерпретацию истории на слушателя, а коллизию мифа превратить в этический выбор. С античной литературой в повседневную жизнь греков проникает эстетика, этика, психология, весь комплекс знаний, описанных Теофрастом в «Характерах».

Второе, безусловно, важное изменение, которое произошло в греческом обществе, связано с возникновением философии. Основной аргумент, который Сократ выдвигает в свою защиту, заключается в том, что он знает то, что он не знает, а остальные лишь «делают вид, будто что-то знают, а на деле ничего не знают». При этом не подвергается сомнению, что полнота знания принадлежит богам. Того же Ксенофонта Сократ посылает в Дельфы, чтобы Аполлон подсказал ему ответ на вопрос, участвовать тому в персидской авантюре или нет. Но Сократ делает радикальный шаг, он берет на себя смелость выносить собственное суждение о человеческом незнании и тем самым определять полноту знания. Все внимательные читатели Платона видят «простоту» логической аргументации и учителя, и ученика, но она позволяет отточить аргументацию в рассуждениях о всеобщем, в том числе о числах. А без этого вопрос «сколько» приобретает вид «парадокса кучи». По оценке современных философов, именно Платон создает математический образ мышления и воспитывает ученика, который ставит вопрос о причинах «сути бытия вещи» в основания знаний о мире. Грек не просто внешним видом отличается от египтянина или перса, он находится на другой стадии социального развития, эта стадия требует другого типа знания, возникает индивидуальная история и всеобщая философия.

По большому счету, именно в эпоху больших эллинистических государств создается наука, литература, архитектура, религия, крупные города,

новый тип личности – все то, что потом было переоткрыто в Европе в эпоху Ренессанса и Просвещения. Но для того, чтобы это состоялось, необходим был еще один шаг: нужно было, чтобы возникла цивилизация в полном смысле этого слова. Должен был возникнуть Рим. Пока же мы можем констатировать лишь то, что в самом греческом мире доминирует гуманитарная форма знания. Философы эллинизма – и риторы, и поэты, и этики – люди свободной профессии, получающие плату за экспансию сферы индивидуальной свободы. Это существенный шаг в сторону от религиозного мифа, который был продуктом развития древневосточной цивилизации, тем не менее перед нами не научная, а *идеологическая* форма описания человеческой жизни. Благодаря ей мы впервые получаем понятие «варвар», которое впоследствии будет широко использоваться.

Отличительной чертой научного описания предмета изучения являются точность определения и количественные параметры. Так, один из первых вопросов, который должна решить научная форма описания действительности – это вопрос, сколько предметов входит в описываемую область. Понятно, что ответ напрямую зависит от определения, которое исследователь дает понятию «цивилизация». Для натуралиста Данилевского культурно-исторических типов («или самобытных цивилизаций» [2, с. 207]), главной характеристикой которых выступает естественная смена биологического возраста, – десять, плюс два американских, «погибших насильственной смертью и не успевших совершить своего развития» [2, с. 208]. Для историка Тойнби количество цивилизаций менялось в зависимости от задачи, которую он решал в рамках построения всеобщей истории. Так, в ранних работах он насчитывал 23 самостоятельные цивилизации. Когда же был поставлен вопрос о влиянии цивилизаций друг на друга, то независимых цивилизаций оказалось 14 и еще 17 сопутствующих. Когда за ту же работу взялся антрополог и культуролог Альфред Луис Кребер, то количество цивилизаций, под которыми понимались уникальные и неповторимые культуры, выросло до 66 [15].

Но более чем полтора века изучения цивилизаций и культур показали несостоятельность некоторых идей. Так, была полностью опровергнута стадийная идея Данилевского – Шпенглера, что изолированные цивилизации имеют ограниченное время своего существования, разделенное на возрастные стадии. Практически никто из ученых, работающих в данной области, не разделяет концепцию европоцентризма. Работы Тойнби были подвергнуты аргументированной критике историками из-за подгонки конкретно-исторических исследований под абстрактную схему, основанную на идеологических данных. Сегодня мы скорее склонны думать, что цивилизации влияют друг на друга, так, эллинизм – стадия развития греческой цивилизации, возникшей после покорения Азии. Римляне берут у побежденных лучшее, так они заимствовали не только технику корабле-

строения у карфагенян, но и философию у греков. А иногда в рамках одной цивилизации происходит смена нескольких стадий развития и в результате может возникнуть «цивилизация» в современном смысле этого слова.

По всей видимости, именно этими идеями можно объяснить возникновение в Европе такой цивилизации, как Римская империя. Первоначально Рим – ничем не примечательное поселение на окраине этрусской культуры, которая соответствует древним цивилизациям. Он существует в рамках сообщества племен италиков, попавших под влияние этой культуры и принявших частичное управление этрусского общества. В результате ослабления военной мощи этрусской федерации городов Рим, освободившись от прямого управления этрусской знати, утверждает себя как самостоятельное племенное государство–город (община) (*civitas*). В отличие от Греции повседневное существование римской общины основано не на торговле, а на военной экспансии. Именно эта форма приводит к возникновению института, отличающего греческий полис от римской республики. Греческие полисы даже во время расцвета классической Греции оставались племенными образованиями. Так, Ксенофонт, отказываясь от руководства греческим войском, приводит следующий аргумент: «...лакедемоняне не прекращали войны с моим родным городом до тех пор, пока не заставили все государство (Афины) признать их своими господами. Когда же афиняне согласились на это, они тотчас же прекратили войну и более не осаждали города» [6, VI, I, 27]. Он настойчиво предлагает выбрать в качестве верховного предводителя спартамца, потому что лакедемоняне могут подумать, что афинянин «решился по мере моих сил вредить их авторитету» [6, VI, I, 28]. Политическая борьба в греческих полисах идет исключительно в рамках одного племени, метеки (греки из других полисов) лишены не только политических, но часто и юридических прав в Афинах. Даже будучи союзниками, они вынуждены просить, чтобы им позволили провести общественные жертвоприношения, которые им разрешены в Афинах не более двух раз в год.

Римская цивилизация возникла во многом благодаря нескольким внутренне не связанным, но следующим одно за другим политико-правовым решениям.

Первое – широкое распространение третейского судопроизводства. «Римский народ избрал себе не путь создания государственных судов, а путь усвоения и обобщения института третейских судов. Древнейшая римская государственная власть лишь прекращает физическую борьбу сторон и затем заставляет спорящих так или иначе прийти к соглашению о третейском суде, который затем и разберет спор по существу» [9].

Второе – реформы Сервия Туллия, создавшие новый тип общественного управления – *comitia centuriata* – общее (народное) собрание военного опол-

чения общины, куда были включены плебеи, не принадлежащие от рождения к римлянам и не имеющие в своем распоряжении земельной собственности.

Третье – политический кризис 375–371 гг. до н.э. и реформы 367–366 гг. до н.э. Во время пятилетнего политического кризиса магистрат не мог принять ни одного решения. По существу, это первая в истории политическая забастовка. По вновь принятому закону одна из консульских должностей закреплялась за представителем плебса. Можно спорить о применимости этого закона, например, во время войны вся власть часто переходила к представителям патрицианских родов. «Единственное, в чем сходятся мнения всех без исключения исследователей – это огромная важность закона Лициния – Секстия о консулате для предоставления плебейам равных с патрициями прав в *ius honorum*, а как следствие, важность закона для формирования новой правящей знати – нобилитета» [1].

Наконец, четвертое – новый механизм правовых взаимодействий, распространённый за пределами Рима, прежде всего в отношениях с латинянами. После многочисленных войн, охватывающих практически весь V в. до н.э., которые, собственно, и потребовали включения плебеев в число римских граждан, Рим создает достаточно развитую систему юридических договоров между ним и другими *civitates*. Часть из них получает полные права римского гражданства с включением в земельные трибы, часть получает полную правоспособность в области гражданских отношений, но не получает политических прав, часть, сохраняя свою политическую самостоятельность, регулирует свое отношение с Римом на основании международных договоров.

Все вышеизложенное – не более чем стандартный тезис о решающей роли римского права в возникновении того, что впоследствии будет именоваться *Imperium Romanum*. В этой, безусловно, прекрасно написанной и выверенной до мельчайших подробностей исторической картине нам не хватает одного важного штриха: мы ничего не знаем о политических правах и юридических институтах тех италийских городов, с которыми Рим заключал договорные отношения. Более того, этруски окончательно были ассимилированы римлянами в I в. до н.э., их города и могильники разбросаны по территории современной Италии практически от Рима до гор на севере Тосканы. Начиная с V в. до н.э. они находятся в постоянном контакте с Римской республикой, но основные сведения об их истории и государственных институтах мы также получаем благодаря римским и греческим источникам. Два народа, две культуры, живущие 400 лет бок о бок, оставили нам несопоставимый объем сведений о себе. Понятно, что период республики соотносится с аттическим периодом греческой цивилизации.

Мы согласны с тезисом о роли римского права в становлении цивилизационных изменений, но, возможно, оно было подкреплено каким-то более

весомым аргументом. Чтобы победить во всех локальных войнах V–III вв. до н.э., которые Рим вел, практически не прерываясь, против всех своих соседей, нужна не только военная удача, но и тотальная милитаризация общины. Реформы Сервия Туллия – не только замена родоплеменных институтов воинскими центуриями, это и создание механизма, увязывающего имущественные отношения с военной необходимостью. Так, описывая греческих воинов в «Анабасисе», Ксенофонт подчеркивает, что каждый гоплит приезжал со своим упакованным щитом и тщательно следил за этой частью своего вооружения. У побежденных народов греки целенаправленно уничтожали прежде всего щиты, представить себе боевую тактику легиона без стандартизированного щита невозможно. Конечно, каждый боец следил за своим оружием сам, но его изготовление, скорее всего, было регламентировано и спланировано властями республики. А если учесть военный закон 123 г. до н.э., в соответствии с которым стоимость военного обмундирования не вычиталась из солдатского жалования, то можно сделать заключение, что это обмундирование производилось централизованно. Более того, всадники получали коня от государства, а его содержание обеспечивалось особым налогом на лиц, не подлежащих воинской повинности. Позже, во время Первой Пунической войны, Рим вынужден был два раза восстанавливать свой морской флот после катастрофических поражений от карфагенян. В последний раз в краткие сроки при пустой казне, собрав деньги по подписке, римляне построили 200 галер. Это означает лишь одно: у Рима были производственные мощности и финансовые институты, чтобы осуществить небывалый проект. (Для сравнения: в Афинском союзе во время его расцвета – 300 боевых кораблей.) С этого момента превосходство в морских перевозках от «морской державы финикийцев» перешло целиком на сторону государства, которое даже в морских сражениях использовало «тактику сухопутной войны». Все это говорит о том, что у Рима как государства была централизованная военная промышленность и развитая экономика. Так, из *civitas*, превратившего горожан в легионеров и давшего этим легионерам права граждан, возникает *civitas nostra*, прообраз будущей *Imperium* (лат. «приказание»). Но, создав цивилизацию в виде военной империи, Рим был вынужден наращивать число легионеров, постепенно превращая в них не имеющих римского гражданства италиков, что привело к кризису как в сельском хозяйстве, так и в социальных отношениях. Только после длительных и кровавых гражданских войн Юлий Цезарь распространяет римское право на всех италиков.

Однако проблема не исчезла, военная экспансия римской цивилизации требовала покорения все новых и новых земель, на которых была хоть какая-то центральная власть. К середине II в. н.э. империя практически достигла границ западной цивилизации: кроме Парфянского царства, все остальные централизованные образования были покорены. За ее границами

остались только «варвары». Но дает ли нам это ответ на вопрос о цивилизованном решении проблем? Римская империя – единая страна с развитой экономикой, товарным производством, эффективной банковской системой, устойчивыми правовыми институтами, развитой дорожной сетью, централизованным градостроительством, передовой медициной, технической и теоретической наукой, централизованным бюрократическим аппаратом, армией, победившей в войнах всех соперников. В 212 г. Каракала дарует права римского гражданства всем свободным жителям империи с условием, что они платят налоги Риму. Проблема состояла лишь в том, что эти права дали людям безжалостные завоеватели, приказам которых они должны были подчиняться и содержание которых обходилось очень дорого.

Цивилизация открывает перед людьми такие возможности в обеспечении личной безопасности, медицине, образовании и потреблении, каких не было в варварском состоянии. В варварском обществе вышеперечисленное зависит от положения индивида в сообществе рода или племени, к которому он принадлежит. Цивилизация освобождает личность от естественной варварской солидарности и предоставляет человеку инструмент, чтобы стать «не эллином и не иудеем», а римским гражданином, если для этого есть возможности и знания. Человек, который знал, как устроен этот мир, город, легион, капитал, торговый маршрут, военная кампания, который мог его просчитать, получал прибыль как свободный гражданин империи. Оставалось в принципе немного – получить капитал, товар, легион, город или императорские регалии и управлять вверенным тебе объектом в соответствии с законами империи.

Однако большинство граждан, получив права, могли рассчитывать в лучшем случае на хлеб и зрелища. Всегда оставалась возможность пойти на государственную службу, записаться в армию. Но в условиях отсутствия военной добычи жизнь в гарнизонах на просторах империи не способствовала представлению о жизненном успехе, если ты не участвуешь в дворцовых переворотах. А как же остальные? Им оставалось придумать, что права дарованы кем-то более могущественным и милосердным. И как только это открытие происходит, права свободных граждан империи распространяются на всех индивидов без исключения, они становятся братьями и сестрами. Возникает новый тип социальной солидарности, цивилизованная религия.

Западная или античная цивилизация – сложный социальный институт, возникавший в течение столетий и впитавший в себя влияние всех предшествующих форм социального развития. У нас нет простого ответа на вопрос: что же привело его к деградации и вырождению в варварство? По свидетельству современников, тяжесть централизованных налогов и муниципальных обязанностей была такова, что выгоднее было не рисковать жизнью, защищая империю. «Сальвиан в 440 или 441 г. замечает, что жизнь на римских территориях

Испании была настолько тяжела, что даже те, кто не бежал от варваров, сами вынуждены были превратиться в варваров. “Большая часть испанцев, – пишет он, – стали варварами”. Это относилось не только к беднякам, но даже к аристократам» [10, с. 96]. Круг замкнулся. Государство, создавшее цивилизацию, превратило своих граждан в варваров. Трагедия западного мира состояла в том, что, когда вопрос о защите цивилизации возник во всей своей остроте, цивилизованные механизмы социальной солидарности уже не работали.

Вернемся, однако, к вопросу о количественной мере как необходимом элементе научного подхода к проблеме. Допустим, что известные вехи роста цивилизации – это *освоение источников энергии*. Тогда на первый взгляд можно измерять количество добываемой и используемой энергии.

Но при более внимательном рассмотрении становится ясно, что, во-первых, освоение нового источника энергии требует энергетических затрат (да и последующее извлечение тоже), во-вторых, использование энергии может быть расточительным и нерациональным, в-третьих, любой новый источник, от которого освоившие его делаются зависимыми, конечен.

Учтя эти обстоятельства, уточним, что нас интересует не абсолютное количество добываемой и расходуемой энергии, а энергетический баланс в смысле, во-первых, экономической целесообразности (расходуем меньше, чем в итоге получаем), во-вторых, разумной распределенности энергетических излишков между *реальными* конечными участниками процесса (в современном исчислении это еще не индивиды, но, по крайней мере, отдельные домохозяйства) и, в-третьих, учета амортизации источника, т.е. выделения части добавочных энергетических ресурсов на подготовку к неизбежному переходу на новые источники.

Роль освоения огня в антропогенезе описана неоднократно. Собирать топливо и разводить огонь – затраты, но выгоды от использования приготовленной пищи вместо сырой, возможности осваивать территории с более холодным климатом, температурной обработки, дающей новые инструменты, и тому подобное перевешивают эти затраты. Часть освоенной энергии будет, возможно, потрачена не слишком рационально, например в ритуальных целях или за счет слабого управления процессом, как при подсечно-огневом земледелии. И, наконец, рано или поздно цивилизуемое пространство просто лишится лесов, которые будут изведены на топливо. И надо будет осваивать уголь. А позже – другие виды ископаемого горючего. И энергию ядерного распада. И так далее. А еще – преобразовывать виды энергии, накапливать энергию, распределять. Что и будет приводить в результате к возрастанию энергетической обеспеченности реальных атомарных (в текущей модели) участников процесса.

Но в социальном плане движущей силой процесса «оцивизовывания» является именно неравномерность распределения ресурса. Все хотят пододаться поближе к костру. Так что есть кого посылать за дровами – самых

дальних и потому самых замерзших. Так что увеличение выработки энергии за счет освоения нового источника не может привести к быстрому росту показателя энергетической обеспеченности на душу населения, поскольку знаменатель в формуле также будет расти. Числитель же, в свою очередь, зависит тут от знаменателя, поскольку у дров ног нет. Поэтому увеличение численности участников процесса необходимо для прироста выработки энергии, но оно же приводит и к распределению добавочной энергии на большее число долей. Такая функция должна получиться возрастающей в начале, но с отрицательной второй производной. Т.е. первоначально быстрый рост замедлится, а затем перейдет к падению. При нехватке разумного управления подобные процессы должны выглядеть как взрывной рост, сменяемый стагнацией, за которой следуют упадок и катастрофа по причине исчерпания ресурса. История локальных цивилизаций знает такие примеры.

Все перечисленные нами этапы в развитии общества: древние, ближневосточные, греческая и римская цивилизации добивались гегемонии над окружающим миром благодаря открытым ими новшествам в социальной организации, это позволяло им освоить новые технологии, которые приводили к росту социальных связей и возникновению нового типа человека, который и мог принимать цивилизованные решения.

Освоение больших территорий благодаря разделению труда и обмену его результатами, создание устойчивых государств благодаря слиянию централизованной власти и религии, возникновение нового качества индивида благодаря товарному производству и участию в политике, возникновение единой цивилизации, создавшей подчиненную нуждам империи экономику, которая, благодаря гуманизации в политико-правовой сфере, начинает работать для удовлетворения основных жизненных потребностей граждан. В конечном счете все четыре описанные нами цивилизации не смогли справиться с тем самым социальным изобретением, которое и сделало их большими, устойчивыми социумами, благодаря которым возник современный западный человек. Освоив централизованное земледелие и экспоненциально увеличив рост населения, древнейшие цивилизации не создали институтов, изучавших влияние этого роста на среду обитания. Создав централизованные государства и приписав большинство подданных храмовым, царским или вельможным хозяйствам, ближневосточные цивилизации не смогли найти властно-сакральный баланс в управлении государственными институтами. Изучая историю Греции, мы видим, что превращение соплеменников в свободных граждан многочисленных полисов наполнило институты государственной власти толпой мелких торговцев. Как иначе можно понять желание спартанских наместников в Византии «продать в рабство всех солдат Кира, которых, он может быть, еще застанет в Византии» [6, с. 100]. Римскую цивилизацию уничтожил системный социально-экономический кризис [7, с. 56–65].

Если же предположить маловероятную, но все же возможную версию разумного планирования и управления деятельностью человеческих сообществ, функция *удельной энергетической обеспеченности* может быть переведена в режим колебаний с прогнозируемыми и регулируемыми спадами в фазе перехода к новым источникам энергии и быстрым ростом после их освоения. Нам представляется, что использование *мер* в виде отношения количества вырабатываемой энергии к количеству участников процесса производства и потребления этой энергии в качестве *показателя степени цивилизованности* вполне оправданно.

Для цивилизованных решений должна быть сформирована цивилизованная среда. Дело даже не в том, чтобы граждане раз в четыре года меняли правителей, еще цари Эблы и Спарты выбирались на ограниченный срок. Главное в коллективных решениях – не ущемлять права и интересы других, всех тех, кто и составляет нашу цивилизацию. Прагматик Наполеон был прав, не использовав отмену крепостного права в походе 1812 г. Свобода не вводится манифестом на французском языке. Это – результат создания целого ряда цивилизационных институтов.

Блюхер Федор Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Fyodor N. Blyukher – Ph.D. in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.
obluher@gmail.com

Гурко Сергей Львович – научный сотрудник Института философии РАН.
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Sergey L. Gurko – Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.
sgourko@gmail.com

Список литературы

1. Белкин М.В. Сенат и промагистратуры Римской республики // Античное общество – IV: Власть и общество в Античности. Мат. межд. конф. антиковедов 5–7 марта 2001 г. на ист. ф-те СПбГУ. СПб., 2001. URL: <http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/belkin/belk013.htm> (дата обращения: 20.02.2022).
2. Данилевский Н.Я. Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческой // Русская историософия. Антология. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
3. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова // Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Т. 1. Берлин: В. Behr's Buchhandlung, 1870. 479 с.

4. История Древнего Востока. Зарождение древних классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Наука, 1988. 623 с.
5. Коуэн Т. Зверства после падения Порт-Артура // Таймс. 8 января 1895 г. URL: <https://ok.ru/pvopartiya/topic/154501193219564> (дата обращения: 20.02.2022).
6. Ксенофонт. Анабасис. М.: АН СССР, 1951. 289 с.
7. Мовчан А.А., Митров А.О. Проклятые экономики. М.: АСТ, 2020. 464 с.
8. Покровский И.А. История римского права. М.: Ленанд, 2021. С. 248. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_12.html (дата обращения: 20.02.2022).
9. Тойнби А.Дж. Постыжение истории М.: Прогресс, 1991. 736 с.
10. Томсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб.: Ювента, 2003. URL: <https://www.rulit.me/books/rimlyane-i-varvary-padenie-zapadnoj-imperii-read-251018-96.html> (дата обращения: 20.02.2022).
11. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Попурри, 2019. 656 с.
12. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 332 с.
13. La déclaration de guerre à la Russie (22 juin 1812) // Отечественная война 1812: Сборник документов и материалов. Л.; М.: АН СССР, 1941. 200 с.
14. Gouvion Saint-Cyr L. ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. No. 313. Л. P. 20–22.
15. Kroeber A. Roster of Civilizations and Cultures. N.Y.: Aldine Pub. Co., 1962. 96 p.

References

1. Belkin M.V. Senat i promagistratur` rimskoj respubliki // Antichnoe obshhestvo – IV: Vlast` i obshhestvo v antichnosti. Mat. mezhd. konf. Antikovedov 5–7 marta 2001 g. na ist. f-te SPbGU. SPb.. 2001. URL: <http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/belkin/belk013.htm> (access date: 20.02.2022).
2. Danilevskij N.Ya. Civilizaciya evropejskaya tozhdestvenna li s obshhechelovecheskoj // Russkaya istoriosofiya. Antologiya. M.: ROSSPE`N, 2006. 448 s.
3. Zapiski, mneniya i perepiska admirala A.S. Shishkova // Izd. N. Kiseleva i Yu. Samarina. T. 1. Berlin: B. Behr's Buchhandlung, 1870. 479 s.
4. Istoriya drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevnix klassovy`x obshhestv i pervy`e ochagi rabovladel`cheskoj civilizacii. Ch. 2: Perednyaya Aziya. Egipet / Pod red. G.M. Bongard-Levina. M.: Nauka, 1988. 623 s.
5. Koue`n T. Zverstva posle padeniya Port-Artura // Tajms. 8 yanvarya 1895 g. URL: <https://ok.ru/pvopartiya/topic/154501193219564> (access date: 20.02.2022).
6. Ksenofont. Anabasis. M.: AN SSSR, 1951. 289 s.
7. Movchan A.A., Mitrov A.O. Proklyaty`e e`konomiki. M.: AST, 2020. 464 s.
8. Pokrovskij I.A. Istoriya rimskogo prava. M.: Lenand, 2021. S. 248. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_12.html (access date: 20.02.2022).
9. Tojnbi A.Dzh. Postizhenie istorii M.: Progress, 1991. 736 s.
10. Tomson E`.A. Rimlyane i varvary`. Padenie Zapadnoj imperii. SPb.: Yuventa, 2003. URL: <https://www.rulit.me/books/rimlyane-i-varvary-padenie-zapadnoj-imperii-read-251018-96.html> (access date: 20.02.2022).
11. Shpengler O. Zakat Evropy`. M.: Popurri, 2019. 656 s.
12. E`lias N. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psixogeneticheskie issledovaniya. T. 1. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. 332 s.
13. La déclaration de guerre à la Russie (22 juin 1812) // Otechestvennaya vojna 1812: Sbornik dokumentov i materialov. L.; M.: AN SSSR, 1941. 200 s.
14. Gouvion Saint-Cyr L. OR RNB. F. 152. Op. 1. No 313. L. P. 20–22.
15. Kroeber A. Roster of Civilizations and Cultures. N.Y.: Aldine Pub. Co., 1962. 96 p.